

ноябрь 1997 г.

Гарри был таким же подавленным, как и опасалась Гермиона. Он вел себя так, будто ему безразлична потеря дружбы Рона, но это было неправдой. Гарри был убит горем. Он чувствовал, что потерял связь со всем кланом Уизли с потерей дружбы Рона. К сожалению, реальность заключалась в том, что если разлом так и не был восстановлен, то, скорее всего, это было правдой. Близнецы были единственными настоящими друзьями Гарри и Гермионы в клане Уизли. Возможно, пришло время связаться с ними и возобновить связь. Также, возможно, пришло время Гермионе помочь Гарри расширяться в обществе. Им обоим нужно было подумать об этом. Было легко забыть обо всех своих друзьях, когда потерялся один друг.

Гермиона не хотела, чтобы Гарри впал в ступор, как на пятом курсе после смерти Седрика. Он был так зол и замкнут. Гермиона боялась за свою подругу. Он отверг связь с кем-либо, включая Сириуса. Гермиона ожидала, что Гарри станет еще хуже после смерти Сириуса, но он так повзрослел. Он все еще злился, но ему удавалось сохранять концентрацию. Одним из самых больших сожалений Гермионы было то, что она была настолько уверена в своей правоте, что смерть Сириуса вызвала у Гарри эмоциональную реакцию, что она проигнорировала его инстинкты насчет Драко Малфоя. Гермиона чувствовала, что в какой-то степени смерть Альбуса Дамблдора была ее ошибкой. Если бы она поверила Гарри, они могли бы помешать Малфоям впустить Пожирателей смерти в Хогвартс.

Теперь Гермиона знала, что Дамблдор все равно умирает. Гарри рассказал ей о темном проклятии на ужасном кольце, которое пожирало его жизненную силу. Гарри был совершенно потрясен бессмысленным занятием Дамблдора, когда он выпил яд из тазика в пещере Волдеморта. Она до сих пор не могла поверить, что Кричер передал крестраж Драко Малфоя.

Судьба волшебного мира зависела от булавки, когда Драко Малфой получил это ожерелье. Если бы Волан-де-Морт был менее жесток по отношению к родителям Малфоя, он бы сохранил свои драгоценные крестражи. Волдеморт мог бы воплотить свою высокомерную веру в свое бессмертие в реальность, если бы не пересёк Драко Малфоя. Гермиона была удивлена не меньше, чем Том Риддл, когда умер.

Драко Малфой был лучшим слизеринцем, чем кто-либо когда-либо считал его. Гермиона понятия не имела, насколько правдиво это утверждение.

Гарри хорошо себя показал. Он ходил на занятия и весело беседовал за обедом и ужином. Гермиона считала, что он действительно пытался поднять себе настроение. Ситуация изменилась к лучшему на четвертой неделе в школе. Рон был назначен капитаном команды Гриффиндора по квиддичу.

Гарри не мог быть счастливее за него, и Гермиона не могла быть более двойственной. Она была рада за другого мальчика, но ее терпение было на исходе. Гарри настоял на том, чтобы пойти на вечеринку в общую комнату той ночью в честь Рона. Было неожиданностью увидеть близнецов в замке, но на самом деле этого не должно было быть. Рон, у которого к их приезду было несколько бутылок сливочного пива, приветствовал поздравления Гарри и пригласил его присоединиться к беседе с остальной командой, чтобы обсудить пробы и расписание

тренировок.

Гермиона воспользовалась возможностью, чтобы поговорить с близнецами о Гарри. Они были удивлены, узнав, что между Гарри и их младшими братьями и сестрами были проблемы. Их раздражало то, как они неделями не разговаривали с ними, а потом не садились с ними за стол. Близнецов часто раздражала ревность Рона. Этот мерзавец был ленив, и все же удивлялся, что все остальные, кто усердно работал, получили то, чего не сделал он. Они пообещали поддерживать тесный контакт с Гарри, чтобы поддерживать его настроение. Гермиона оценила их восторженное согласие стать друзьями Гарри.

Гарри сидел с Роном и командой. Он выглядел таким радостным, что сердце Гермионы разбилось. Гарри загорелся, как будто получил подарок, когда Рон пообещал ему, что его место в команде обеспечено. Гермиона немного обиделась на рыжего, приподнявшего голову с ослепительной улыбкой Гарри. Гермиона даже вежливо поговорила с Джинни и несколькими другими гриффиндорцами. Гермиона еще не была готова полностью избавиться от обиды, которую она испытывала к любому из двух младших Уизли. Не было никаких гарантий, что мир продлится долго.

На следующий день Гермиона почувствовала себя разочарованной, когда Рон сидел с другими за завтраком. Она могла сказать, что Гарри чувствовал то же самое. Но когда они прибыли в Зельеварение, Рон подошел и занял свое обычное место рядом с Гарри. Гарри выглядел вполне довольным, но Гермиона не была уверена в мотивах Рона. Он шел с ними на Трансфигурацию, поэтически рассказывая о различных стилях полетных упражнений, их сильных и слабых сторонах. Он сидел с ними и продолжал шепотом разговаривать на протяжении всего класса. Гарри был рад пройти с Роном обратно к лестнице. Гарри пригласил Рона обратно в их комнаты, чтобы потусоваться до ужина. Рон выглядел раздраженным и оправдывался. Рон делал то же самое каждый раз, когда Гарри упоминал их комнаты. Гарри понял это примерно через две недели и перестал об этом упоминать.

Гарри и Гермиона тоже стали проводить больше времени в гостиной Гриффиндора. Это было хорошо. Было бы слишком легко потерять связь со своими одноклассниками, если бы они спрятались. Было приятно проводить больше времени с Невиллом. Джинни была дружелюбна, но держалась немного отстраненно, как и Рон, но, по крайней мере, они разговаривали вместе, если не проводили вместе все свое свободное время.

Начались тренировки по квиддичу, и занятия стали сложнее. У них было мало времени вне их обязанностей, чтобы проводить их с кем-либо. Новый распорядок занятий с Роном в библиотеке и сидение с Роном в классе, но не видется с ним, стал для Гермионы нормой. Ей все еще нравился ее друг, и она хотела помочь ему в учебе. Она просто больше не чувствовала себя рядом с ним.

Гарри пытался вести себя так, будто все вернулось в норму. На тренировках по квиддичу, в классе или в библиотеке все было в порядке. Просто в другое время было неловко. Близнецы сдержали свое обещание связаться с Гарри. Они присылали ему письмо не реже одного раза в неделю. Они включили его в новые идеи для магазина под предлогом консультации со своим партнером. Это заставило Гарри улыбнуться.

Невилл и Луна были настоящим подарком судьбы. Было безумием думать о Луне как о ком-то, с кем теперь Гермионе нравилось проводить время, но это было правдой. Луна могла разумно говорить практически на любую тему. Она была почти так же хороша в исследованиях, как и Гермиона. Она также верила в невидимых существ и теории заговора. Гермиона не понимала, как девочка могла быть такой умной и в то же время такой фантазийной. Хотя она все еще была хорошим другом.

Невилл стал постоянным компаньоном Гарри. Было приятно видеть Гарри с более стойким компаньоном. Невилл был даже закаленным, но был рад постоять за то, что правильно. У Невилла было сухое чувство юмора, которое проявлялось как раз в нужный момент, чтобы быть веселым. Невилл также был дружелюбен с людьми из других домов.

Гарри и Гермиона начали принимать в свою жизнь новых людей из-за дружелюбия Невилла. Сьюзен Боунс и Ханна Эббот из Хаффлпафа и Трейси Дэвис из Слизерина были хорошими друзьями Невилла. Терри Бут из Рэйвенкло начал заниматься с ними в библиотеке. Луна привнесла в группу дружбу Майкла Корнера из Рэйвенкло и Лили Мун из Гриффиндора. Тонкс даже проводила с ними вечер в комнате примерно раз в неделю. Она начала понемногу проявляться. Гермиона подумала, что это очаровательно.

Все определенно изменилось, но все еще шло гладко. Вещи начали успокаиваться в комфортной рутине. Прежде чем Гермиона сообразила, была середина ноября, и пора было думать об отпуске. Она не могла поверить, что прошло почти три месяца с момента поражения Волдеморта. Время пролетело незаметно.

Скука учебного года заставила всех забыть о важном событии победы над Волдемортом, и теперь о нем едва ли можно было подумать. Единственное, что еще не пришло в норму, это желудок Гермионы. Она чувствовала периодическую тошноту и приливы в течение дня с момента их краткого пребывания в поместье Малфоев. Это было странно.

После того, как все тела и предметы темного искусства были вывезены из поместья Малфоев, министерство намеревалось запереть поместье. Были разговоры о том, чтобы конфисковать это место и поставить памятник одержанной там победе. Министерство начало вывозить свои вещи и своих людей из поместья теперь, когда оно было чистым, но прежде чем оно успело запереть его и объявить, что поместье конфисковано, оно исчезло.

Никто даже не мог вспомнить, где именно находилась усадьба. Все записи с координатами теперь пусты. Все знали, что это в Уилтшире, но даже пешком не пройти всю деревню, чтобы найти точное место. Министерство решило, что дом умер вместе с последним из Малфоев. Они объявили все претензии к поместью недействительными и умыли руки из щекотливой ситуации. Никто не знал, что делать с имуществом семьи, которая одновременно поддерживала Волдеморта и стала причиной его гибели. Это казалось подарком — замести весь этот беспорядок под ковер и уйти. Не было никаких шансов, что гоблины отдадут даже серп тому, кто не является законным наследником. Многие невостребованные хранилища находились под землей, припрятанные проникательными существами, которые знали, что ни один законный наследник никогда не прибудет, чтобы потребовать их.

Все, что произошло в поместье Малфоев, было окутано тайной. Единственной полной и конкретной информацией, которая у них была, была Хрустальная сфера, которую Драко Малфой использовал, чтобы записать момент своей мести. Гермиона начала подозревать, что с ней что-то случилось в поместье.

Тошнота и приливы приходили и уходили, но они продолжались так долго. Сначала Гермиона подумала, что это шок. Она чувствовала, что ее теория подтвердилась, когда глубокое дыхание помогло облегчить симптомы. Теперь симптомы, казалось, ухудшались с каждым днем. Все это завершилось приливом жара, от которого у нее так закружилась голова, что она потеряла сознание. Гермиона сидела на диване в общей комнате, которую она делила с Гарри, когда прилив жара ударил ее как никто другой.

Жар пульсировал в ее голове и груди. Казалось, что самое ядро ее существа было перегрето. Ей было так плохо, она не могла стоять. У нее сильно закружилась голова, и она решила лечь. Все только ухудшалось в течение нескольких мгновений. Гермиона была уверена, что умрет. Ее охватил странный укол вины из-за того, что именно Гарри должен найти ее. Бедный Гарри уже повидал столько смертей.

С треском, словно оборвалась нить ее жизни, Гермиона ахнула и потеряла сознание. Гарри разбудил ее почти три часа спустя. Он думал, что она только что уснула на диване. Голова Гермионы кружилась так сильно, что все, что она могла сделать, это пробормотать: «Нехорошо себя чувствовать».

Гермиона снова уснула, увидев, как Гарри с тревогой смотрит на нее. Когда она проснулась на следующее утро, она все еще лежала на диване. Гарри, должно быть, помог ей снять туфли. Она лежала гораздо удобнее, чем когда потеряла сознание. Под головой у нее была одна из ее пушистых подушек, а тело укрыто теплым одеялом. Рядом с ней на кофейном столике стоял стакан с водой.

Гермиона села, чтобы выпить. У нее раскалывалась голова. Она больше не чувствовала себя больной, но головокружение все еще усиливалось. Ей все еще было жарко, но только слегка. Она больше не боялась, что готовит изнутри. Ставя стакан обратно на стол, она заметила Гарри, спящего, должно быть, в неудобной позе на стуле рядом с ней. Одна его нога была перекинута через подлокотник кресла, а другая лежала на полу. Его шея была согнута так, что оказалась зажатой между плечом и другим подлокотником кресла. Он звучал так, будто едва мог дышать.

Гермиона не могла не улыбнуться своему другу. Он был таким внимательным и в то же время таким глупым. Она не могла не любить его.

Гермиона разбудила Гарри, и они оба собрались на урок. Гарри спросил о ней с беспокойством. Гермиона рассказала ему о том, что произошло. Гарри выглядел встревоженным ее симптомами. Гермиона согласилась, что пойдет в больничное крыло после занятий, если ей не станет лучше.

День был долгим. Оба подростка были уставшими и немного капризными. Они провели большую часть дня, сидя рядом друг с другом, не разговаривая. К концу дневных занятий Гермиона знала, что ей придется пойти к мадам Помфри. Гермиона все еще чувствовала периодическую тошноту, даже если она немного уменьшилась. Головокружение было легким и сопровождало все ее движения. Это должно было быть хорошим знаком, но у Гермионы появился новый симптом, который нужно было добавить в список — истощение.

Гермиона не просто устала, она едва могла двигаться. Ее конечности казались вялыми, а разум — унылым. Ее вызвали в классе, и она не могла ответить. Не то чтобы Гермиона не знала ответа, скорее всего, знала. Гермиона не могла достаточно хорошо обдумать вопрос, чтобы дать ответ. Профессор Вектор проявил понимание, но настоял на том, чтобы Гермиона направилась в больничное крыло. Поскольку до урока оставалось всего четверть часа, Гермиона решила, что рада идти. Она чувствовала себя такой измученной, что не была уверена, что справится с этим.

Это было медленно, но Гермиона все же добралась до больничного крыла. Мадам Помфри была занята группой четверокурсников, которые случайно взорвали свои котлы с зельями. Все они использовали иглы крапивы, когда требовались сосновые иглы. Гермионе стало их жаль. Иглы крапивы вызывали ужасные гнойные фурункулы при неправильном использовании.

Гермиона не нуждалась в срочной помощи, поэтому с удовольствием села на одну из кроватей и стала ждать. Она собиралась сесть на одну из кроватей и подождать. Вместо этого она легла и заснула. Мадам Помфри разбудила ее почти два часа спустя, взволнованная тем, что она забыла больную девушку.

"Каковы ваши симптомы, дорогая?" — обеспокоенно спросила мадам Помфри. Было очень непохоже на старосту лежать посреди школьного дня.

Мадам Помфри внимательно слушала, как Гермиона говорила о точечной тошноте и приливах. Брови пожилой дамы взлетели на лоб, когда Гермиона описала инцидент, из-за которого она потеряла сознание прошлой ночью.

«Кажется, что-то щелкнуло? Встало на место или вылетело?» Мадам Помфри серьезно задала нелепый вопрос. Гермиона секунду смотрела на нее, прежде чем попыталась сосредоточиться на этом чувстве.

«Определенно внутри. Что-то щелкнуло внутри. Это как бы эхом отразилось внутри меня. Есть ли в этом смысл?» Гермиона выглядела растерянной. Мадам Помфри медленно кивнула.

"О, дорогой. Да, это так. Когда это началось?" — спросил ее Целитель.

— Это началось после инцидента в поместье Малфоев, — деликатно ответила Гермиона. Ей не хотелось снова во все это вникать. Мадам Помфри все равно проверила ее после того, как они с Гарри вернулись в Хогвартс после поражения Волдеморта. Гермиона была в порядке, в основном.

"Ах, около трех месяцев тогда?" — спросила мадам Помфри. Гермиона кивнула. «О, дорогой. Хммм. Э-э, я должен задать вам еще один вопрос, мисс Грейнджер. Пожалуйста, не смущайтесь». Гермиона выглядела обеспокоенной, но снова кивнула. "Как твой цикл, дорогая?"

Гермиона посмотрела на нее в замешательстве. Цикл? Что она... ох. Что. Гермиона еще больше смутилась.

«О, гм. Я не думаю, что у меня это было еще в этом месяце». — сказала Гермиона, слегка смущенная.

— А за месяц до этого? — спросила любезная дама. — Действительно, а как насчет поместья Малфоев?

Гермиона замерла на вопросе. У Гермионы не было месячных с тех пор, как до Малфой Мэнора. Ее последняя началась, может быть, две с половиной, может быть, три недели назад? Гермиона не была уверена. Ее цикл был пятнистым, когда она была молода. Правда, последний год или около того это было регулярно, но когда этого не произошло, она и глазом не моргнула. Если бы она думала об этом, она бы не волновалась. Она находилась в состоянии сильного стресса.

«Я. У меня не было ни одной примерно с первой недели августа?» Гермиона казалась сбитой с толку. — Я. Я не активна, мадам Помфри, — тихо сказала Гермиона.

Целитель улыбнулся и похлопал ее по колену. Затем она начала махать палочкой. Она мычала, мычала и, наконец, сказала: «Оооо, дорогой». После еще нескольких взмахов дама ахнула от удивления, а затем цокнула про себя.

Она повернулась к Гермионе после того, как огни, оставленные взмахом палочки, исчезли. Она сочувственно посмотрела на нее.

«О, дорогая. Это может быть нелегко слышать, мисс Грейнджер, Гермиона. О, дорогая», — добрая леди сделала паузу и посмотрела Гермионе в глаза. Она глубоко вздохнула, а затем снова заговорила: «Ты беременна, дорогой».

Оооооооооооооо

Несколько минут Гермиона смотрела на Целителя. Она не могла понять, что женщина только что сказала ей. Разум Гермионы мутился. Это было невозможно. Это было невозможно физически. Гермиона Грейнджер была девственницей. Она не была ханжой, просто была слишком занята учебой и тем, что помогала Гарри остаться в живых, чтобы беспокоиться о романтике. У Гермионы был только один поцелуй с мальчиком. Она никогда не делала ничего большего.

— Это невозможно, — выпалила она. Другая ведьма взяла ее руку и похлопала по ней. Это был не первый раз, когда мадам Помфри сообщала эту новость неверующему студенту.

«Прости, дорогая, но я совершенно уверен. Ты беременна». Дама откашлялась. «С близнецами».

Гермиона Грейнджер начала истерически смеяться. Это была худшая шутка, которую Гермиона когда-либо разыгрывала над ней. Женщина должно быть шутит.

— Пожалуйста, мадам Помфри, — истерически сказала Гермиона. «Это не смешно. Пожалуйста, хватит шутить».

Другая женщина начала выглядеть обеспокоенной. «Я не шучу, милая. Ты беременна». Мадам Помфри обнаружила, что повторять правду до тех пор, пока человек не примет ее, было ее лучшим выбором. Если это не сработает, она даст девочке мягкое успокаивающее зелье. Малышам это не повредит.

"Вы не понимаете!" Девушка закричала, вскакивая, чтобы встать. — Я девственница, — яростно прошептала она. «Я буквально физически не могу быть беременной».

Мадам Помфри выглядела сбитой с толку. Она снова усадила девушку на кровать и сказала: «Позвольте мне посмотреть здесь».

Палочка качнулась в воздухе. Ведьма, отмахивающаяся от него, выглядела все более и более обеспокоенной по мере того, как движения продолжались. Когда свет наконец погас, она повернулась к девушке.

— Я думаю, нам следует вызвать директрису, — серьезно сказала мадам Помфри.

"Что нет!" Гермиона взвизгнула. Ей не нужно было распространять этот нелепый беспорядок еще больше.

— Послушай, Гермиона, — сказала женщина, снова садясь рядом с девушкой. "Я верю тебе."

Гермиона моргнула. Она не ожидала этого. Ее разум все еще бешено кружился. «Есть ли заклинание, чтобы узнать, девственник ли кто-то?» — ошеломленно спросила Гермиона.

Мадам Помфри рассмеялась. "Нет, дорогая. Есть заклинание, чтобы узнать, есть ли в вашем организме остатки заклинания или зелья. Есть. Я нашел следы ритуала *Fertilitas Vita*, который представляет собой комбинацию заклинания, зелья и ритуала. "

Гермиона не могла поверить, что это происходит. «Заклинание дает положительный результат

теста на беременность, когда вы не беременны?» — спросила Гермиона, почти задыхаясь.

«Нет, дорогая. Он оплодотворяет замужнюю женщину без полового контакта». Женщина вздрогнула, отвечая.

Гермиона снова рассмеялась. Она не была уверена, что сможет остановиться. "Я не женат!" Она снова попыталась встать, но мадам Помфри удержала ее на кровати. Бедная девочка не могла потерять сознание и причинить вред себе или детям.

Целительница ужасно переживала за девушку. Она знала, что и Гарри, и Гермиона испытали амнезию после пребывания в поместье Малфоев. Мадам Помфри думала, что это стресс и травма от того, что она увидела столько насилия и испытала столько страха. Теперь она не была так уверена. Что-то было сделано с этой девушкой, о чем она не знала.

— О, дорогой, — расстроенно сказала ведьма. «Должно быть, или, по крайней мере, должно было быть. Заклинание работает только в том случае, если магия участников была затронута душевным браком». Мадам Помфри снова поморщилась. Это шло не очень хорошо. «Нам действительно нужно найти директрису», — снова пробормотала она себе под нос.

"ДУШЕВНЫЙ БРАК? Что это такое?" Гермиона вырвала свои руки из рук Целителя. "Что случилось?" У девушки была истерика. Она задыхалась, и ее глаза были остекленели.

— О, дорогой, — снова сказала медиведьма. Она встала и подошла к шкафу в дальнем конце комнаты. Она достала два зелья и вернулась. Эти успокаивающие сквозняки были слабыми. Скорее всего, это пройдет задолго до того, как они закончат этот разговор.

Мадам Помфри поймала почти бегущую девушку, когда она проносилась мимо колдуньи. «Вот, дорогой. Пожалуйста, возьми это. Это поможет».

Девушка остановилась, но, похоже, не могла видеть Целителя. "Вот, пожалуйста. Вот и все, просто проглоти". Ведьма поднесла флакон ко рту девушки. Бедный дорогой.

Гермиона проглотила жидкость, которая попала ей в рот. Она не думала достаточно ясно, чтобы делать что-то еще. Волна спокойствия, которая последовала за жидкостью в ее горле, была очень кстати.

— Вот и все, дорогая, — сказала пожилая дама, ведя Гермиону обратно к кровати. Она помогла ей сесть. «Вот, пожалуйста. Я скоро вернусь». Медведьма поспешила в свой кабинет. Она быстро вызвала Минерву и бросилась обратно к пациенту, находящемуся на ее попечении. Девушка вообще не шевелилась.

Директриса прибыла меньше чем через десять минут. Гермиона не двигалась. Ни миллиметра. Когда директриса увидела свою старосту, сидящую с такой пугающей неподвижностью, она

встревожилась.

— Поппи, что случилось? — встревоженно спросила Минерва. Гермиона слышала слова, но они не регистрировались. Мадам Помфри рассказала директрисе все, что рассказала Гермионе, так что Гермиона не послушала. Она не могла заставить свой разум снова работать.

— Мисс Грейнджер? — мягко спросила Минерва. "Вы меня слышите?" Гермиона кивнула, но не посмотрела на директрису.

"Не хотите ли чашку чая?" Вопрос заставил Гермиону моргнуть. Как могла профессор МакГонагалл задать такой обыденный вопрос в такое время. — Вот. Позвольте мне тоже усадить нас где-нибудь поудобнее.

Директриса взмахнула палочкой сложным узором. Плюшевый диван в плеле МакГонагалл появился вместе с небольшим столиком. Директриса позвала домового эльфа на чай. Уладив это, она помогла Гермионе сесть на диван.

МакГонагалл сидела с одной стороны от нее, а мадам Помфри с другой. Директриса поставила ей чашку очень сладкого чая с молоком. Гермиона была рада, что есть за что держаться, когда она снова опустилась на диван.

МакГонагалл откашлялась. — Ты готова говорить?

Гермиона моргнула, но обнаружила, что не может ответить. Она чувствовала себя спокойно и могла слушать. Она покачала головой, сожалея, что директриса не может понять ее затруднительного положения.

— Ты можешь слушать? Гермиона с облегчением услышала, что профессор МакГонагалл все-таки поняла ее проблему. Гермиона медленно кивнула, показывая, что она точно сможет.

— Хорошо, — ответила директриса МакГонагалл. Она ничего не сказала. Вместо этого три женщины некоторое время сидели молча. МакГонагалл снова откашлялась.

«Ну, я так понимаю, поздравления в порядке вещей. Вы не возражаете, если я проверю результаты мадам Помфри?» Гермиона покачала головой.

МакГонагалл снова взмахнула палочкой. Но, в отличие от мадам Помфри, она объясняла так, как делала. «Это заклинание говорит нам, беременны ли вы. Заклинание покажет нам намек на вашу ауру посредством цветной формы. Форма и цвет определяются вашей магией. Цвет обычно соответствует цвету ваших глаз».

"Если вы беременны, то над вашей фигурой появится тень другого цвета. Цвет и форма - это отец ребенка. Сочетание двух фигур происходит только при положительном результате на

беременность. Если более одной форма появляется с наложенной на нее формой, это означает, что существует более одного ребенка. Вы понимаете?» — спросил профессор, глядя на Гермину поверх очков. Гермину могла только кивнуть.

Директриса начала взмахивать палочкой. Когда она остановилась, перед ней появился золотисто-коричневый восьмиугольник. Он засветился на мгновение, а затем разделился на два одинаковых по форме. Две фигуры засветились на мгновение, прежде чем появились две переливчатые формы, отбрасывающие тень на золотисто-коричневую. Один восьмиугольник был затенен мерцающим зеленым нонагоном. Другой был закрыт полупрозрачным серебряным семиугольником.

"О, дорогой," сказала директриса. Она смотрела, пока фигуры не исчезли. Она откашлялась и приготовила себе чашку чая. Она сделала несколько здоровых глотков, прежде чем поставила чашку и продолжила.

«Там были две фигуры с тенями над ними. Вы понимаете, что это значит?» — мягко спросила МакГонагалл. Девушка перед ней тупо посмотрела в ответ и кивнула.

"Это означает, что вы беременны. Двойнями. Вы понимаете?" Гермину снова кивнула. Директриса мгновение смотрела на мадам Помфри, прежде чем снова заговорить.

«Вы заметили золотисто-коричневую форму?» Гермину безразлично кивнула. «Это ваша аура. Чем больше сторон у формы, тем сильнее ваше магическое ядро. Поздравляю. Ваше ядро довольно сильное». Гермину просто смотрела на заявление.

"Да, хорошо. Вы заметили, что формы, покрывающие вашу собственную, были другими? Формы не соответствовали друг другу, как ваши формы?" Гермину кивнула.

«Это значит, ах-хм. Простите меня», — директриса сделала паузу, чтобы сделать еще несколько глотков чая. Гермину все еще держала чашку чая в безвольных руках. Мадам Помфри заметила это и взяла чашку, прежде чем МакГонагалл смогла приступить к следующей части. Поппи не была уверена, что легкого успокаивающего напитка будет достаточно, чтобы помочь девочке пройти следующую часть. Она полезла в карман халата и вытащила второй флакон. Не мешало бы быть готовым.

"Это означает," еще раз глубоко вздохнув, директриса только что вышла и сказала это. «У ваших близнецов разные отцы».

Гермину не могла сдержаться. Она снова начала смеяться. Она смеялась так сильно, что ее ребра закричали от этого звука. Она так сильно смеялась, что начала хрипеть и кашлять. Она свернулась калачиком на коленях, чтобы облегчить ноющий кашель, и продолжала смеяться.

— О, дорогой, — хором сказали две пожилые женщины. Они помогли Гермине сесть, а затем сунули ей в руку значительно более полную чашку чая. «Пей, дорогая», — сказала одна из

ведьм. Она не могла сказать, какой.

Чай был ужасен на вкус, но чувствовал себя прекрасно. Гермиона почувствовала, как волна истерии, заставившая ее так сильно смеяться, отступила, пока не осталось только хихиканье. Несколько минут и еще несколько больших глотков чая, и Гермиона снова тупо уставилась перед собой.

"Вы меня слышите?" — спросила директриса МакГонагалл, странным образом повторяя начало их разговора. Гермиона хихикнула, но тоже кивнула.

— Хорошо. Ты понимаешь, что я говорю? Гермиона снова кивнула. Ей нравилось кивать. Это было так приятно.

«Вы слышали о ритуале *Fertilitas Vita*?» — ласково спросила МакГонагалл. Гермиона покачала головой. Ей тоже нравилось трясти головой, но если она делала это слишком часто, у нее болел мозг. Гермионе нравился ее мозг. Она не хотела, чтобы было больно.

«Это комбинация зелья, заклинания и ритуала, позволяющая добиться непорочного зачатия». Гермиона медленно повернулась и посмотрела на директрису. Увидев ее лицо, она снова захихикала.

"*Immac-cul-kate konkepshon? Jeshush!*" Гермиона искажила слова в своем несколько пьяном состоянии. Она не могла не рассмеяться после этого заявления. Две ведьмы посмотрели друг на друга в страхе и замешательстве. Девушка может быть не готова слушать.

Гермиона снова хихикнула, а затем подняла руку в жесте «продолжай». Минерва посмотрела на Поппи в поисках помощи, но продолжала говорить.

«Ритуал часто используется чистокровными семьями. В семье, которая практикует традиционную ритуальную магию наряду со стилем практической магии, преподаваемым в Хогвартсе, считается, что ребенок, рожденный... рожденный магией, превосходит ребенка, рожденного мирскими, биологическими способами. Имеются данные, свидетельствующие о том, что беременность, как правило, более здоровая при использовании ритуала Фертилитас Вита, но не многие ведьмы и волшебники используют его сегодня, потому что...» директриса посмотрела снова у меди-ведьмы. Медведьма взяла девушку за руку и крепко сжала ее.

МакГонагалл продолжила. «Потому что ритуал требует, чтобы участники были в активном браке, связанном душой. Брак, связанный душой, позволяет двум участникам разделить свое магическое ядро во время ритуала. Это обеспечивает гарантированное зачатие и здоровое, живое рождение». Гермиона снова хихикнула.

Минерва была встревожена, услышав смущающее хихиканье, но продолжила: «Вы хотите, чтобы я наложила заклинание, которое подтвердит, было ли это заклинание применено к вам? Заклинание на самом деле не проверит вас. Оно проверит детей. Заклинание... оказывает на

них влияние».

Голова Гермiony быстро повернулась к женщине. На ее лице отразилось легкое беспокойство. Это означало, что она была в ужасе.

«Не волнуйтесь, мисс Грейнджер. С малышами все будет в порядке», — сказала она, погладив девочку. «Это просто, эм, ну, это усиливает естественные эффекты волшебной беременности. Дети будут идентичными, независимо от их разного происхождения. будет эффективно выбирать лучшие характеристики от всех трех родителей и выражать их одинаково». Минерва посмотрела на Гермionу, чтобы убедиться, что она поняла. Девушка выглядела слегка заинтересованной. Это означало, что она была потрясена до глубины души.

«Я так понимаю, магглы не способны к такому обмену характеристиками?» Минерва сказала это вопросительно. Гермiona медленно покачала головой.

«Тем не менее, это общеизвестно в волшебных семьях. Вы могли заметить, что близнецы Уизли и Патил идентичны?» Гермiona слегка кивнула. «Все волшебные близнецы идентичны. Это побочный продукт того, как магическое ядро делится во время беременности не только между детьми, но и с матерью. Ваше магическое ядро примет часть их энергии, а их энергия примет часть вашей». ... Это естественная часть волшебной беременности».

Гермiona хихикнула и посмотрела на другую взрослую ведьму. Мадам Помфри просто хлопала Гермionу по руке и сказала: «Правильно, дорогая. Это совершенно нормально».

— Да, прекрасно, — кивнула директриса. «Ваше тело было очищено от следов ритуала, но оно не начнет исчезать из младенцев, пока они не станут жизнеспособными. Они родятся, когда захотят, как это обычно бывает с младенцами». МакГонагалл уставилась на Гермionу. Гермiona смотрела в ответ, время от времени хихикая.

— Хочешь, я проверю? Гермiona кивнула на вопрос. — объяснила МакГонагалл. «Магическая подпись ритуала *Fertilitas Vita* — ярко-голубовато-розовый цвет. Он проявляется в форме контура шероховатой чаши. дело не в ваших детках, появится сизый дым. Готовы?»

Гермiona кивнула и тупо смотрела, как заклинание творилось. На мгновение ничего не произошло. Гермiona икнула и попыталась сесть прямее. Два выстрела розовато-голубого света вырвались из ее живота и образовали переплетающуюся форму, которая могла быть чашей, если прищуриться и повернуть голову вбок.

Минерва серьезно посмотрела на фигуру. Она повернулась к Гермione: — Ты понимаешь, что это значит? Гермiona не ответила. Она просто смотрела в ответ.

«Это означает, что ритуал был использован. Хочешь, я узнаю, кто использовал ритуал на тебе?» — мягко спросила директриса МакГонагалл. Ей хотелось взять бедняжку на руки. Как это могло случиться? Этот ребенок не заслуживал того, чтобы ей навязывали материнство.

Гермиона рассмеялась, но энергично кивнула. МакГонагалл вздохнула и повернулась к Поппи. — У вас есть запись? она спросила. Поппи кивнула и встала, чтобы взять его.

«Запись, — сказала Минерва девушке перед ней, — представляет собой компиляцию магических подписей всех учеников, когда-либо посещавших эту школу. Магическая подпись записывается, когда ученик принимает предложение о поступлении в Хогвартс. запись используется только в самых тяжелых случаях, но мы согласимся, что эта ситуация имеет значение». Гермиона ничего не сказала. Она снова начала слышать собственные мысли.

Кто-то оплодотворил ее против ее воли – безукоризненно. Гермиона была благодарна за безупречную часть, но все еще не могла обработать оплодотворенную часть. Гермиона доверила профессору МакГонагалл свою жизнь. Она бы не стала шутить или лгать в такой ситуации. Она также была совершенно компетентна, если она утверждала, что это так. Гермиона не могла этого избежать. В ней были младенцы. Она никак не могла понять, что это значит.

Мадам Помфри торопливо вернулась в комнату, неся старую и потрепанную книгу. На нем был замок, в котором, похоже, не было замочной скважины. Она с легким интересом смотрела, как МакГонагалл вручает ей книгу.

«Пожалуйста, держите книгу, мисс Грейнджер. Я произнесу заклинание, но только вы сможете увидеть, что написано на странице. Мы попросим книгу показать имена отцов для детей, не так ли? ты готов?» Гермиона кивнула и уставилась на обложку книги. МакГонагалл шевельнула рукой и тихо пробормотала себе под нос. Защелка на книге засветилась, и обложка открылась. Замок просочился в обложку, так что была видна только первая страница. Гермиона посмотрела вниз и снова начала смеяться.

На этот раз она не истерически смеялась, она тихо смеялась над иронией. Два имени сияли золотыми чернилами на странице рядом с двумя цветными фигурами. Серебряная фигура блестела на странице рядом с именем. Вторая фигура практически светилась зеленым цветом, который она узнаёт где угодно. Эти два имени нельзя было найти вместе в более несоответствующем месте. Отцов ее детей звали Драко Малфой и Гарри Поттер.

<http://tl.rulate.ru/book/81110/2485440>